

Пушкин А.С.

Лит. жур. 1894. - 24 авг. - с. 6.

Андрей ЧЕРНОВ

Оппозиция тинэйджеров

К истории гибели Михаила Лермонтова

Меня давно удивляло: почему Пушкин в октябре 1833 года, написав первую строку "Медного всадника" - "На берегу пустынных волн...", тут же нарисовал тонко оттененным пером вилетку с тайной могилой казенных декабристов? И только этим летом, перечитывая юношеские стихи Пушкина о могиле

Наполеона - "...Почий среди пустынных волн! Великолепная могила..." - я вдруг понял, почему строка "На берегу пустынных волн..." вызвала ассоциацию (рисунок!) с другой не великолепной, но страшной, но братской могилой.

Ассоциации, ассоциации...

ПЯТОГО февраля 1830 года читатель "Литературной газеты" обнаружил в свежем ее выпуске анонимную рецензию на только что отпечатанный в университетской типографии московский альманах "Денница". Вот как она начиналась: "В сем альманахе встречаем имена известнейших наших писателей, также стихотворения нескольких дам: украшение неожиданное, приятная новость в нашей литературе".

Автором рецензии был Пушкин. А похваленные им "дамы" - две юные московские поэтессы - сестры Тепловой. Надежде Сергеевне было шестнадцать, младшей, Серафиме, - четырнадцать.

В те же дни в Москве двадцатипятилетний адъюнкт университета и редактор "Денницы" Михаил Александрович Максимович в спешке "кормит" домашний камин собственной архивом. Гостиный в первопрестольной Дельвиго только что получил письмо из Петербурга от Ореста Михайловича Сомова. Тот предупреждал приятелей, что над "Денницей" уже искрестят перуны. Причем не простые, а "высочайшие". Из толков "у Греча и Булгарина" Сомову стало известно о булгаринском доносе в Третье отделение. Причина доноса - восьмистрочные четырнадцатилетней Серафимы:

Слезам горькими, тоскою
Твоя погибель почтена.
О верь, о верь, что над тобою
Стон скорби слышала волна!
О верь, что над тобою почло
Прошение, мир, а не укор,
Что не страшна твоя могила
И не постыден твой позор!

Чуткий литератор Фед. В. Булгарин сразу же сообразил, что Максимович напечатал стихи о могиле Рылеева. К счастью, дружеская почта на сей раз оказалась проницательнее фельдшерской. Николай I констатировал, что стихи, "очевидно, имеют направление не благообразное". Цензора заперли на две недели на гауптвахте, потребовав объяснений у редактора, но Максимович уже успел продумать линию защиты. Первый аргумент - автор почти ребенок, притом барышня. Второй находим в письме П. А. Вяземского А. И. Тургеневу: "В "Деннице" на странице 121-й, найдешь ты стихи девичьи, за которые московский Глинка, цензор, просидел неделю на гауптвахте... Эти стихи на смерть какого-то студента, утопившегося, а им дали политическое перетолкование".

Арест цензора Сергея Николаевича Глинки, литератора и патриота 1812 года, человека в Москве весьма уважаемого и известного, говорил о том, что следователи в успехе дела не сомневались. Почему же выпустили через неделю, а не через две? Да потому, что в первые же дни не менее трехсот москвичей явились засвидетельствовать свое почтение цензору, определенному Бенкендорфом штудировать за решеткой цензурный устав. И это было уже демонстрацией. Власть поняла, что дело слишком неблагоприятно и гауптвахтой его не поправишь. Надо было готовить куда более сильное действующее средство для искоренения московской кромки.

Демонстративное сочувствие Глинке управляющий делами Третьего отделения М. Я. Фон-Фок в агентурном отчете совершенно справедливо рассматривал как общий знак московской оппозиционности. Глинка, "агент всех тайных обществ" (выражение властей), знавший сестер Тепловых и друживший с Максимовичем, вскоре был лишен цензурского места: как водится в таких делах, в том же году к нему придралась по весьма пустячному поводу.

В ОППОЗИЦИОННУЮ Москву Пушкин поспешит в тот год в начале марта. Он встретится с Максимовичем и Дельвигом, сообщит Вяземскому в письме от 14 марта о том, что Иван Иванович Дмитриев сердится на цензора Глинку. (За что - об этом, видимо, и так понятно. Впрочем, консервативный Дмитрий при всем том посетил арестованного цензора на "губе" одним из первых.)

Комментаторы "синего" пушкинского десятилетия рассерженные старшего московского поэта на Глинку объясняют "сугубо литературными" причинами. Нет, причины, скорее, литературно-политические. И о чем говорят в те дни Пушкин с Дмитриевым, можно догадаться по следующему письму Пушкина к Вяземскому, датированному второй половиной марта:

"Посылаю тебе драгоценность: донос Сумарокова на Ломоносова. Подлинник за собственноручною подписью видел я у Ив. Дмитриева. Он отыскан в бумагах Миллера, найденный", вероятно, в присутствии и, вероятно, сохранный Миллером... Состряпан из этого статьи и тисня в Лит. с-ратуриуноу Гаа-с-туу. Письмо мое доставит тебе Гончаров, брат красавицы: теперь ты угадаешь, что тревожит меня в Москве".

что же тревожит Пушкина? Красавица Гончарова?.. Да, конечно. Но не только. В том же письме через пару строк: "Булгарин изумил меня своею выходкою, сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, должно - но распустила, лень и Гончарова не выпускают меня из Москвы, а дубины в 800 верст длины в России нет кроме гр. Панина".

"Дубина в 800 верст" на Булгарина не раз еще будет опускаться. В эпиграммах, в статьях той же "Литгазеты". Война объявлена. Первый кнут, как и "первая дубина", - доносчику.

И не надо верить на слово Вяземскому, будто он считает, что "политическое перетолкование" стихам Серафимы Тепловой дала власть. 18 апреля 1828 года в праздник Преполовления Вяземский с Пушкиным сами подняли на месте декабристской виселицы пять щепок от эшафота (которые Вяземский, кстати, сохранил). А саму тайную декабристскую могилу Пушкин сумел-таки разыскать на Голодае, о чем некогда догадалась Анна Андреевна Ахматова. И именно по пейзажным зарисовкам Пушкина через полтора века экспедиция "Огонька" и Музея истории Ленинграда тоже отыщет это место.

В 1828 году Пушкин впишет подробный путеводитель к рылеевской (и его товарищей) могиле в рассказ Титова "Уединенный домик на Васильевском". Повесть с помощью того же Сомова будет опубликована в дельвиговских "Северных цветах" за 1829 год. 25 мая 1828 года этого места на северной оконечности Голодае Вяземский, Пушкин, Грибоедов, Киселев, Сергей Голицын, Шиллинг и Мицкевич на пироскафе поплывут в Кронштадт. А еще летом 1826 года Грибоедов и А. А. Жандр катались на лодке на "уединенный островок Невы" в поисках этой могилы, но ничего там не обнаружили. "Кромс кустов" и приставленного к могиле часового.

Грибоедов и Жандр не нашли. Пушкин нашел. 19 мая 1828 года он заканчивает стихи "Когда для смертного умолкнет шумный день...", а на черновике появляется рисунок трубы пироскафа с навешенным на нее парусом (наблюдение С. А. Фоминича) и набросок топографического плана, где поэт отметил береговую линию Малой Невы, ров между Голодаем и крохотным, входящим в голодаевскую косу, островком Гонорулоу, и увенчал все это стилизованным корабльком, выброшенным волною на отмель и упершимся бушпритом в ту самую точку, где лежат тела пя-

18 мая 1828 года - это 1525 годовщина казни найденных Феодота Анкирского и ченца. И дату под пушкинскими стихами и очень трудно объяснить совпадением. Скорее предположить, что 18 мая поэт был в храме на службе, 19-го же закончил покаянное стихотворение:

И нет отрады мне - и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые - два данище судьбой
Мне ангела во дни былые,
Но оба с крыльями и с пламенным мечом.
И стерегут... и мстят мне оба
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба.

"Пламенный меч" этой нравственной муки казнил Пушкина с 1826 года. 13 июля декабристы были повешены, 14 июля тайно захоронены в братской могиле - без гробов, нагиими, с известью, которая должна была уничтожить тела, дабы родные не выкрали их и похоронили по христианскому обычаю. Анна Ахматова показала, как важно для Пушкина было христианское погребение. Она же обратила внимание и на строки "Полтавы" (тогда же 1828 год), и на стихотворение "Утопленник" (лето 1828 года), где поэт говорит по сути о том же - об отлучении власти, о нравственной муке человека, отказавшего другому в погребении.

Могилу для декабристов была вырыта инженерной командой Петропавловской крепости в самой воде, практически на отмени гоноролуовского рва. Несколько раз в год это место покрывалось водой даже при обычных подъемах Невы. И могила не размыта только потому, что яма была вырыта глубиной до трех с половиной метров. Уже к середине XIX века место это ушло под воду, оказалось на мелководье. Тогда, собственно, о могиле и стали забывать, хотя летом 1826 года, по свидетельству современника, народ "вадил туда толпами".

"Пламенный меч" коснулся души поэта вновь стихами Серафимы Тепловой. В этом был для Пушкина, может быть, и мистический укол: в переводе с еврейского Серафима - "пламенная".

Мы не знаем, кто те "тени милые", казненные поэта в мае дне 1828 года. Но в начале года 1830-го они обрели вполне живые очертания двух московских дев - Натальи и Серафимы. Покаянные стихи оказались пророческими. Проведя в

этот сюжет Р. Б. Заборова в № 3 журнала "Русская литература" за 1976 год. А Владимир Ваууро, сегодня один из самых блистательных знатоков русской классики, продолжил сей сюжет статьями "Лермонтов и Серафима Теплова" в книге "Литература и искусство в системе культуры" (М., 1988).

Впрочем, помнили об этой истории и в XIX веке.

14 июля (!) 1854 года М. А. Максимович пишет письмо В. П. Гаевскому, который в то время готовил монографию о Дельвиго. Вспомнил Максимович и о своей "Деннице", и об истории заключения на гауптвахту цензора Глинки. И даже не совсем точно процитировал Пушкина: "Дела давно минувших лет..." Надо не "лет", а "дней", но оговорка, точнее - ошибка, вполне красноречива: смотри дату письма. Ключ к загадке, какой-то "особый толк" придан был властями стихам С. Тепловой.

Николаевское время уже кончается (но еще не кончено!), а образованные читатели XIX столетия умели писать письма.

В 1861 году М. Н. Лонгинов в рецензии на стихи Надежды Тепловой вспомнил и об элгии юной ее сестры. Дескать, Максимович "объяснил, что стихи написаны к утопленнику и не заключают в себе никакого особенного умысла". Более того, "такой же отзыв был доставлен издателем "Денницы" от автора стихов".

Серафима Сергеевна, к тому времени уже Пельская, прочтя в "Русском вестнике" эти строки, отписала автору их, потребовав восстановления справедливости. Пришлося Лонгинову в "Письме к редактору" извиниться: "Когда в 1830 году возникло недоразумение по поводу стихов С. С. Тепловой... издатель М. А. Максимович, желая, по видимому, отстранить от автора возможность каких-либо неприятностей, ограничился тем, что взял у нее по необходимости одну только подписку". Мол, стихи в "Деннице" написаны ею.

Серафима Сергеевна таким образом дала понять проницательному читателю времен "оттепели" и "перестройки", что никакие отречения, пусть даже вынужденные, не произносила. (Хорошо, что при Николае Палкине детей все же не допрашивали.) Тогда, в 1830-м, жандармы сделали вид, что удовлетворены оправданиями Максимовича и начали готовить расправу над Московским университетом (это вскоре и произошло).

а в самом университете молодежь горячо обсуждала вызов, брошенный в элгии юной барышни всему государственному режиму. На это, как полагают исследователи, намекал три десятилетия спустя И. В. Селиванов, закончивший Московский университет в 1829 году, в письме к А. В. Дружинину. Об этом говорит и записная книжка студента Белинского с переписанными в нее стихами Тепловой. (Там они следуют сразу за "Живым мертвецом" Полежаева.)

Вскоре умрет Дельвиго, и Пушкин пригласит Максимовича вместе с обоими московскими барышнями участвовать в "Северных цветах" на 1832 год. Серафима Пельская писала немного, но все же дала для альманаха вполне невинное стихотворение "Сестре в альбом".

Почему же у Булгарина не было сомнений в том, кому посвящена элгия в "Деннице"?

Первое объяснение принадлежит современнику тех событий М. А. Дмитриеву: "Проницательные люди доносили, что в этих стихах дело идет о Рылееве, содер-

Впрочем, трудно предположить, что Фадей Венедиктович или Николай Павлович об этом не догадываются. И царь очень точно понял, куда надо направить главный удар репрессий, где таится в оппозиционной Москве источник самой страшной для режима крамолы. Поразили, но он попал-таки в яблоčko, ибо в пансионе при Московском университете в тот год учился отрок, бредивший стихами Пушкина, Рылеева и... Серафимы Тепловой.

ИМЯ МАЛЬЧИКА - Михаил Лермонтов. В. Э. Ваууро обнаружил в стихах юного Лермонтова несколько прямых цитат и целый пласт реминисценций из элгии Серафимы Тепловой.

Впервые цитата из элгии Тепловой у Лермонтова мелькает в 1830 году в стихотворении "Нищий": "Так я молил твоей любви / С слезами горькими, с тоскою..."

Это может еще быть и просто случайностью, но в следующем году Лермонтов делаетвольный перевод стихов Томаса Мура, а заканчивает двумя строками, которых нет у англоязычника:

Одной слезой, одним ответом
Ты можешь смочь их приговор;
Верь! не постыден перед светом
Тобой оплаканный позор!

У Мура нет, зато есть у Тепловой: "И не постыден твой позор".

В 1830, 1831 году Лермонтов создает так называемый "провиденциальный цикл", где лирический герой, преследуемый роком, ожидает казни. Единственное,

Стихотворение не задолго. Через день Лермонтов пишет о могиле воина, кургане на дилом морском берегу. И вполне по-рылеевски обозначает жанр стихов словом "дума".

Близится пятая годовщина декабристского восстания.

Не знала друг о друге, Пушкин и Лермонтов оба примеряют "по себе" голодаевскую могилу. Пушкин описывает свое посещение подымого холодной пенной островка, места рыбацкой стоянки (это уже точный топографический ориентир, ведь на плане, изданном в СПб в 1828 году, в этом месте помечена "Избушка рыбаков"), свой утлый чепи, волную погоду и "берег дикий". Лермонтов говорит о своей гибели, о проклятой могиле на "дилом берегу". По нестранному сближению даже эпители у обоих совпадают.

К ПЕЩЕКАЯ дочь Серафима Теплова профессиональным поэтом не стала. Шестнадцать лет она вышла замуж за почтового чиновника Дмитрия Федоровича Пельского, который в 1840 году занял должность почтмейстера в Дмитрове, выпустил две книжки по почтовому делу и вскоре умер.

Как сообщает Р. Б. Заборова, в начале 1860-х С. С. Пельская была "беда, как не знаю кто" (отзыв современника). Памятью о ее знаменитой элгии, прогрессивные литераторы времен тогдашней "оттепели" выделили ей однажды вспомоществование - несколько десятков рублей.

Дата смерти С. С. Пельской неизвестна.

Реконструкция пейзажа с могилой декабристов по черновикам А. С. Пушкина и топографическому плану Федора Шуберта

М.А. Максимович. Фотокопия с портрета 1830-х годов

М.А. Максимович. Рисунок Пушкина. Атрибутируется впервые

М.А. Максимович. Рисунок Пушкина. Атрибутируется впервые

терых повешенных. Два указательными штрихами поэт отметил, как прийти к этому месту посуху.

Кораблик и план возникают рядом со строкой "В безумстве гибельной свободы...". Здесь же в черновике - словесная иллюстрация к рисунку: "мои потопленные годы", "потопленная радость", "потопленная младость".

"Когда для смертного..." - первое откровенно христианско-покаянное стихотворение Пушкина. Первая его часть будет опубликована в тех же "Северных цветах" рядом с путеводителем к могиле декабристов. Вторая часть окажется столь интимной, что останется лежать в черновике.

Москве весну и половину лета, 14 июля, в день тайного погребения казенных, Пушкин выезжает в Петербург.

Мистика цифр преследует Пушкина. 14 июля - это еще и дата казни Андрея Шенье.

Упрек, невольно кинутый ему четырнадцатилетней девушкой, разбередил зарубцевавшуюся боль. В тот же год, уже в Болдине, Пушкин пишет стихотворение "Когда порой воспоминанье...". Здесь впервые появляется и пейзаж скорбного "открытого острова": "Стремилось привычно мечтою / К студенным северным волнам". В 1833 году он, несколько переработав, включает это описание в поэму "Медный всадник". "Остров малый" на Невском взморье станет могилой бедного Евгения.

НО МЫ не о Пушкине. Мы о Серафиме Тепловой, о восьми ее строках, приведших к роковым последствиям не для автора этих стихов, а для всего Московского университета, и еще для одного великого российского стихотворца, чье имя мы произнесем несколько позже.

жизвем перед казнью в каземате Петропавловской крепости, омытая волнами. Довольно было этого имени, чтобы поднять тревогу в душе Николая Павловича и воздвигнуть бурю".

Второе - что Рылеев казнен на кронверке Петропавловской крепости, выходящем на Неву.

Тут мы вынуждены поправить и современников Тепловой, и современных исследователей: у Тепловой речь не о каземате и не о виселице, а именно о могиле. О той, что на самой крошке суши, "в прибрежных кустах" (выражение берповидиестера Б. Я. Княжнина, руководившего тайным этим захоронением), постоянно затопляемых водой. И если москвичка барышня в 1829 году сумела так точно указать в стихах на сам характер этого места, значит, оно не было тайной и для москвичей.

Р. Б. Заборова безусловно права, когда пишет, что в элгии Тепловой просто не может идти речь о юноше-утопленнике, тем более о самоубийце. Это вернее для нравственно тупых шпионов правительства, ибо самоубийство для христианина должно быть почтено "не полным прощением, оправданием и уважением окружающих, а молитвой о прощении за содеянный грех".

что может принести ему радость, - слеза любимой. И он пророчит сам себе:

...Смерть моя
Ужасна будет, чуждые края
Ей удивятся, в родной стране
Все проклянут и память обо мне...

Смерть, удовлетворяющая столь страшным условиям, - это смерть государственного преступника, смерть заговорщика. Может быть, даже царевичей, которому четвертование не заменили удавкой.

Кровавая моя могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На дилом берегу ревущих вод,
И под туманным небом; пуста
Крутом. Лишь чужестранец
Молодой,
Невольным сожаленьем и мольбой
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда.

В этих же стихах упоминают и курган над безымянной могилой. В. Э. Ваууро высказал мысль о том, что здесь "нет никаких аллюзий - есть ассоциации, быть может, произвольные, а не осознанный намек на Рылеева, - это совершенно ясно из контекста стихотворения".

Пусть так. Хотя мы и не очень верим в "непроизвольные" ассоциации гениев.

В свое время Э. Г. Герштейн писала еще об одном стихотворении из "провиденциального цикла", кстати, озаглавленного так же, как элгия Серафимы Тепловой "К ***". Исследователю удивлялась странному несоответствию сюжета: "Хотя стихотворение "К***" начинается с упоминания о позорной смерти на плахе, заканчивается оно образом утонувшего героя".

И лишь волна полновластная простонет
Над сердцем, где хранился образ
Твой!"

В. Э. Ваууро обнаруживает здесь парадокс из Тепловой: "О верь, о верь, что над тобою / Стон скорби слышала волна!" И чтобы как-то разрешить противоречие, пускается в довольно путаное объяснение: "Каждый из этих мотивов был по-своему продолжен в лермонтовской лирике. Но в стихах "Когда твой друг с пророческой тоскою..." /.../ они не переплываются до конца, сохраняя нечто от своей автономности. Даже если не настаивать на том, что стон волн "над сердцем" мертвого возлюбленного означает непременно, что тело покинута в водной пучине, а предположить расширенное толкование - например, могилу на берегу моря (как в "1831-го июня 11 дня"), - то все равно образ окажется "непонятным". Он не порожден логикой лирического сюжета, он пришел извне".

Увы, профессиональные литературоведы тоже бывают удивительно наивны. Что же до этих лермонтовских стихов, то они порождены как раз логикой сюжета. Исторического и лирического.

В 1830 году Пушкин извлекает из старой тетради и анонимно публикует в той же "Литгазете" свой "Арион", а осенью того же года примется за "Когда порой воспоминанье...". В те же дни отрок Лермонтов начинает писать вполне рылеевское по духу стихотворение "Новгород":

Сыны снегов, сыны славы,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибли!..

Комментарий к новейшему собранию стихов Николая Языкова называет ее "третьестепенной поэтессой, сестрой Н. С. Тепловой". Примечание это не вполне случайно. Языков с сестрами Тепловыми общался в альбом Серафимы в 1831 году он даже вписал посвященные ей стихи: "Я знаю вас: младые ваши лета..." Можно предположить, что и элгия Серафимы Сергеевны - ответ на, очевидно, слышанные ею тайные стихи самого Николая Языкова, вернее, на одну их строку, с которой юное поколение никак не могло согласиться по свойственному молодости максимализму:

Не вы ль убрало наших дней,
Свободы искры оневы,
Рылеев умер, как злодей! -
О, вспомни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы днешней грамове
На самовластные царей!

Языков, конечно, не мог полагать, что это его восьмистрочие приведет к столь серьезным, впрочем, не для него самого последствием. Не знал он и того, что в каземате незадолго до казни Конрадий Федорович Рылеев выцарапал на дощечке оловянной тарелки четверостишие, словно бы впрок отчаивающему Языкову:

Тюрьма мне в честь - не в укоризну,
За дело правое я в ней.
И мне ль стаять с их цепей,
Когда пошу их за отчину?

Впрочем, это совпадение, видимо, вполне объяснимо. Ведь оба - и Рылеев, и Языков помнили строки из "Шиллонского узника": "Удел несчастного отца - за веру смерть и стыд цепей". Из того же источника Пушкин черпал и для своего "Ариона": "Нас было много на свете" - это парафраз из Жуковского: "Нас было шесть, пяти уж нет".

Да, Карамзин прав, и "порядочный человек не должен подвергать себя повешению". Но молодость России с Карамзинным всегда не соглашалась.

Список восьмистрочной элгии Серафимы Тепловой сохранил в семейных своих бумагах вдова Рылеева. Вместе с ними попадут эти стихи в собрание Пушкинского Дома.

ПОВОРЯТ, детские и подростковые травмы временем не врачуются. В начале лета 1832 года прошение Лермонтова об отчислении принято Правлением Московского университета. Проходит еще девять лет. 13 июля 1841 года на вечере в доме Верзилиных происходит странное и маловероятное для историков столкновение Лермонтова с Мартыновым. (Все видели, и все рассказывают по-разному!) Мартынов вызывает Лермонтова на дуэль, а уже в саду поэт еще раз оскорбляет Мартынова парафразами из евангельской вечери, по сути называя его Иудой. Мол, что делаешь - делай скорее. Дальше все вновь в каком-то странном тумане: поединок, где поэт не стреляет, но нарочито держит пистолет, как указующий в небо перст: есть Божий суд. И суэта секундантов, и невинное, нервное следствие, которое почему-то не может распутать очень простую, многим виденную на той злосчастной вечеринке, историю соры.

И дата того вечера. Пятнадцатая годовщина кронверкской казни.

Меумаристы отмечают, что поэт на той загадочной вечеринке был "мрачным обычным". Что же там произошло на самом деле, да и по какому поводу собралась в тот день кавказские офицеры?